

Загоскин Михаил Николаевич

Кузьма Петрович Мирошев

Русская быль времен Екатерины

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Николаевич З.**
Кузьма Петрович Мирошев: Русская быль времен Екатерины / Загоскин Михаил Никола-
евич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 436 с.

ISBN 978-5-519-85463-4

ISBN 978-5-519-85463-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КУЗЬМА ПЕТРОВИЧЪ МИРОШЕВЪ.

Русская быль временъ Екатерины II.

Часть первая.

I

О ТОМЪ, ГДѢ И КОГДА СЛУЧИЛОСЬ ТО, О ЧЕМЪ
РАЗСКАЗЫВАЕТСЯ ВЪ ЭТОЙ ИСТИННОЙ ПОВѢ-
СТИ.

Въ нашихъ степныхъ губерніяхъ есть народная поговорка: „Сура рѣчка важная, течетъ потихоньку, доньшко у нея серебряное, круты бережка позолоченые“. За что, — думалъ я всегда, — такая похвала этой рѣчкѣ, которую съ грѣхомъ пополамъ называютъ судоходною? Что въ ней хорошаго? Ея угрюмые берега поросли мрачными сосновыми лѣсами, течетъ она къ сѣверу, и хотя въ нее впадаетъ рѣчка, которая называется *Бездна*, но сама-то она вовсе не походить на бездну морскую: лѣтомъ черезъ нее во многихъ мѣстахъ куры въ бродѣ переходятъ. Мнѣ удавалось слышать отъ пензенскихъ жителей, что въ ней ловятся отличныя стерляди, — быть можетъ, только, видно, это бываетъ очень рѣдко. Я знаю навѣрное, что когда въ Пензѣ собираются дать какой-нибудь торжественный обѣдъ на-славу, то всегда посы-

лаютъ за стерлядьми въ Саратовъ. То ли дѣло близкій сѣздъ Суры, красавецъ Хоперь, рѣка также второстепенная; но какими она течетъ привольными мѣстами, какъ роскошествуетъ природа на ея плодоносныхъ берегахъ! Хоперь течетъ на югъ, извиваясь подъ тѣнью своихъ дубовыхъ лѣсовъ, красуясь своими липовыми рощами и орошая свѣтлыми водами своими одинъ изъ счастливѣйшихъ уголковъ нашей матушки святой Руси. Пуститесь по теченію Хопра, и черезъ нѣсколько дней вы увидите себя среди земель Донского войска, въ Хоперской станицѣ, которая славится по всему Дону своимъ привольнымъ житьемъ и богатствомъ.

Въ тысяча семьсотъ восьмидесятомъ году, на правомъ берегу этой рѣки, верстахъ въ десяти отъ уѣзднаго городка Ново-Хоперска, у подошвы высокаго холма стоялъ, срубленный изъ дубовыхъ бревенъ и покрытый тесомъ, небольшой господскій домъ о семи окнахъ. Прежде чѣмъ я познакомлю васъ съ хозяиномъ этого дома, Кузьмою Петровичемъ Мирошевымъ, не угодно ли вамъ будетъ прогуляться вмѣстѣ со мною по его владѣніямъ, взглянуть на его наслѣдственную *отчину* и полюбоваться господскою усадьбою? Мы начнемъ съ дома.

Я уже сказалъ вамъ, что онъ былъ срубленъ изъ дубовыхъ бревенъ, покрытъ тесомъ и освѣщался съ лицевой стороны семью окнами. Быть можетъ, вы станете смѣяться надо мною; но я убѣжденъ, что дома, точно такъ же, какъ и люди, имѣютъ свои собственные физіономіи, — и суровыя, и привѣтливыя, и гордыя, и радушныя. Посмотришь, иной домъ — ну точно хмурить брови, а другой какъ будто улыбается. Вотъ, напримеръ, хоть этотъ, о которомъ идетъ рѣчь, кажется въ наружности его не было ничего привлекательнаго, а я увѣренъ, вы посмотрѣли бы съ удовольствіемъ на этотъ скромный пріютъ небогатаго русскаго помѣщика. Эта ничѣмъ не окрашенная тесовая кровля и кусты великолѣпныхъ розановъ, которые цвѣли подъ

окнами дома; эти голыя бревенчатыя стѣны и чистое крылечко, уставленное цвѣтами; этотъ красивый лугъ, который опускался гладкою скатертью отъ дверей дома до самаго Хоупа,—все это вмѣстѣ было такъ свѣжо, такъ мило, что вы пожелѣли бы, если-бъ тутъ, вмѣсто простаго бревенчатаго домика, стояли каменные палаты или затѣйливая дача съ разными вычурами и причудами, которыя стоять такъ дорого лѣтнимъ жителямъ невскихъ острововъ, петергофской дороги и московскаго парка.

По обѣимъ сторонамъ дома разбросано было нѣсколько жилыхъ службъ и холостыхъ строеній: сарай, конюшня, погреба, амбары, застольная изба, баня и господская кухня; всѣ эти строенія были крыты соломой. По двору почти всегда, переважно расхаживали индѣйскіе пѣтухи, бѣгали куры и гулялъ павлинъ съ своею павою. Съ лѣвой стороны, за частоколомъ, которымъ обнесена была вся дворовая усадьба, стоялъ довольно обширный скотный дворъ; съ правой—тянулось огороженное плетнемъ барское гумно, уставленное одоньями. Посреди двора росла огромная черемуха; подъ благовоннымъ и роскошнымъ шатромъ ея пушистыхъ вѣтвей, можно было въ знойный полдень отдохнуть на скамьѣ и подышать прохлагою. Прямо противъ нея, въ глубинѣ двора, за рѣшетчатымъ заборомъ, виднѣлся фруктовый садъ, въ которомъ, посреди густыхъ куртинъ вишенъ, сливъ и черешни, подымали свои курчавыя головы яблони и грушевыя деревья. Этотъ садъ оканчивался небольшимъ огородомъ; за нимъ, по отлогому скату, взбѣгала до половины высокаго холма тѣнистая дубовая роща; потомъ начинался мелкій кустарникъ, а на самой вершинѣ, подъ тѣнью двухъ вѣковыхъ липъ, стояла деревянная часовня. Она была построена надъ истокомъ холоднаго и прозрачнаго, какъ ледъ, горнаго ключа. Простой народъ называлъ этотъ родникъ *уromовымъ студенцомъ* и пилъ изъ него воду, какъ лѣкарство

отъ разныхъ болѣзней, вѣроятно потому, что въ часовнѣ была икона Божіей Матери, и что объ этомъ источникѣ передавалась изъ рода въ родъ одна народная легенда, которой содержаніе было слѣдующее:

„Давнымъ-давно, въ незапамятные годы, не извѣстно, при какомъ князѣ, только прежде еще татарскихъ погромовъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь часовня, стояла уединенная келья одного святого отшельника. Шестидесять лѣтъ спасался онъ, живя на этомъ холмѣ, посреди дремучаго бора, котораго теперь слѣдовъ не осталось. Двадцать лѣтъ не выходилъ онъ изъ лѣсу, и изъ всѣхъ окружающихъ селеній никто не зналъ о немъ, кромѣ одного благочестиваго деревенскаго священника, который два раза въ году приходилъ приобщать его Святыхъ Таинъ и оставлялъ у него мѣшокъ сухарей; этого было достаточно для пустытника на цѣлые полгода, потому что онъ былъ великій постникъ и съѣдалъ только по два сухаря въ недѣлю; за водой же онъ ходилъ самъ на Хоперъ. Вотъ посѣтилъ его Господь Богъ скорбію: отнялись у него ноги. Это случилось лѣтомъ, въ Петровки; жара стояла нестерпимая, у него въ кельѣ не было ни капли воды, и какъ онъ ни силился доташиться до рѣки, но въ цѣлые два дня не могъ отползти и пяти шаговъ отъ своей хижины. Вотъ прошелъ день, другой,—зной все тотъ же, на небѣ ни облочка, а солнце такъ и палитъ. Какъ ни велико было терпѣніе благочестиваго старца, но онъ былъ человѣкъ, а жажда еще мучительнѣе голода. На третій день старецъ изнемогъ совершенно, страданія его сдѣлались нестерпимыми, и что-то похожее на ропотъ мелькнуло въ душѣ его. Лукавый того только и дожидался: онъ явился передъ старцемъ, но только не такъ, какъ является иногда, не подъ личиною ангеласвѣта, не во образѣ даже человѣческомъ, а просто во всемъ адскомъ своемъ безобразіи. Старецъ хотѣлъ перекреститься, но демонъ удержалъ его руку, поставилъ це-

редъ нимъ чашу со свѣжею водою и сказалъ: „Вотъ, старикъ, я не въ тебя: ты проклиналъ, ненавидѣлъ меня, а пришла бѣда, такъ я же къ тебѣ на выручку. У тебя нѣтъ ни капли воды, — вотъ тебѣ полная чаша! Да не отворачивайся, старинушка: вѣдь, я не жидъ какой, не попрошу твоей души за ковшикъ воды; съ меня будетъ и того, если ты за это мнѣ поклонись.“ Нѣтъ, — прошепталъ старецъ, — не поклонюсь я никогда врагу моего Господа. „Врагу!“ — повторилъ насмѣшливо сатана. „Да что за радость быть слугою - то? Вотъ хоть ты, нечего сказать, вѣрный слуга, а что, много выслужилъ? Нѣтъ, старинушка, твой господинъ живетъ высоко, до тебя ли ему; а я у тебя подъ бокомъ. Не хочешь мнѣ кланяться, такъ, пожалуй себѣ, не кланяйся: я за этимъ не гонюсь. Скажешь спасибо — хорошо, не скажешь — такъ и быть! Только не мори себя, голубчикъ, напрасно: выпей водицы! А вода-то какая, вода! Посмотри, любезный!“ Тутъ онъ поднесъ къ устамъ страдальца чашу съ водою, чистою и прозрачною, какъ хрусталь. Искушеніе было ужасно, но старецъ устоялъ. Онъ зажмурилъ глаза, чтобъ не видѣть соблазнителя, и сказалъ: „Лучше умереть въ страданіяхъ по волѣ Господней, чѣмъ жить тобою, врагъ Божій. Исчезни, сатана!“

Едва опъ выговорилъ эти слова, какъ вдругъ раздался ударъ грома, и ослѣпительная молнія обвилась вокругъ искусителя; онъ вспыхнулъ, разостлался смраднымъ дымомъ по землѣ, завылъ вихремъ по лѣсу, разметалъ, какъ соломинки, направо и налево столѣтнія сосны и съ воемъ исчезъ въ рѣкѣ. Еще грянулъ громъ, — и у самыхъ ногъ старца огромный камень разсѣлся на двое; изъ трещины брызнулъ источникъ живой воды, закипѣлъ между камнями и помчался внизъ по скату горы. Разумѣется, старецъ напился, вскорѣ почувствовалъ облегченіе отъ своей болѣзни, и прожилъ еще двадцать лѣтъ, хваля и славя Бога.

Теперь, когда вы дошли вмѣстѣ со мною до часовни, то можете однимъ взглядомъ окинуть всѣ владѣнія Кузьмы Петровича Мирошева, и въ то же время полюбоваться живописнымъ видомъ Хопра и всѣхъ его окрестностей. Прямо передъ вами, то - есть по ту сторону холма, широкія поля, господскія усадьбы, села и кой-гдѣ изгибистый Хоперь, который то появляется, то исчезаетъ за рощами и холмами. Вдали, на высокомъ берегу его, подымается крѣпостной валъ, а за нимъ нѣсколько бѣлокаменныхъ зданій и соборъ, прежде бывшей крѣпости, а нынѣ уѣзднаго города Хоперска. Если мы обернемся, чтобъ идти назадъ, то передъ нами откроются виды, не менѣе прекрасные. Внизу, подъ нашими ногами, дубовая роща. Вотъ вѣтеръ пахнулъ сильнѣе, и вершины сплошныхъ деревьевъ заволновались, какъ зеленое море; онъ стихъ, и передъ нами разостлался зеленый бархатный коверъ. Далѣе господская усадьба и покатиистый лугъ до самаго Хопра; по ту сторону рѣки обширная пойма, лѣтомъ покрытая густою зеленою и цвѣтами, весной залитая верстъ на пять въ ширину обильными водами Хопра. Налѣво, шаговъ сто отъ барскаго дома, на самомъ берегу рѣки, сельцо Хопровка, то-есть двѣнадцать крестьянскихъ дворовъ съ пятидесятью ревизскими душами. Эта небольшая деревенька, съ восемьюстами десятинами земли въ окружной межѣ, съ поемными лугами, рыбною ловлею и разными другими доходными статьями, была наслѣдственной и единственной отчиной Кузьмы Петровича Мирошева; она почти никогда не давала ему менѣе шестисотъ рублей годового дохода. Вы можете судить поэтому, какимъ отличнымъ хозяиномъ былъ Кузьма Петровичъ. Правда, было къ чему и руки приложить: Хопровка славилась своими угодами; всѣ окрестные жители называли ее золотымъ дномъ, и, конечно, самый плохой помѣщикъ не получилъ бы съ нея менѣе трехсотъ рублей въ годъ дохода; однимъ словомъ, эта де-

ревенька вполне оправдывала русскую пословицу: „малъ золотникъ,—да дорогъ“.

Съ землею Кузьмы Петровича Мирошева сходилась земля одного порядочнаго села, принадлежащаго графу Р***му; имъ управлялъ приказчикъ, а самъ баринъ зналъ это село только по слуху; и неудивительно: въ немъ было съ небольшимъ четыреста душъ; слѣдовательно, оно не составляло даже и четверхсогой части его огромнаго имѣнія. Почти всѣ остальные сосѣди Мирошева были мелкопомѣстные дворяне, исключая одного богатаго помѣщика, о которомъ мы поговоримъ послѣ.

II.

ОТКУДА ПРОИСХОДИЛЪ РОДЪ МИРОШЕВЫХЪ,
И ОТЧЕГО У ПРАДѢДА КУЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА
БЫЛО ДВѢ ТЫСЯЧИ ДУШЪ, А У НЕГО ТОЛЬКО
ПЯТЬДЕСЯТЬ.

Древній родъ дворянъ Мирошевыхъ произошелъ слѣдующимъ образомъ отъ рода князей Барашевыхъ, младшаго колѣна рода князей Звенигородскихъ:

У князя Ивана, князь Петрова сына Звенигородскаго, было два сына: князь Иванъ Барашъ, да князь Михайла Спячій; у князя Бараша сынъ князь Иванъ Адашъ; у князя Адаша сынъ Недашъ; у князя Недаша сыновья: Алексѣй Звѣнецъ, Юрій Мочька и Петръ Мирошъ; отъ Петра пошли Мирошевы. Въ родѣ Мирошевыхъ, которые всѣ служили вѣрою и правдою великимъ князьямъ и царямъ русскимъ, было двое окольничьихъ, четыре стольника и человѣкъ пять стряпчихъ, изъ которыхъ одинъ при царѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ былъ даже стряпчимъ съ ключемъ и путемъ. Онъ удостоился этой особенной милости за то, что отлично трезвонилъ

въ колокола. Я думаю, вамъ извѣстно, любезные читатели, что царь Θεодоръ Іоанновичъ весьма жаловалъ колокольный звонъ и очень часто извоилъ самъ потѣшаться этою забавой. Въ царствованіе царя Θεодора Алексѣевича оставался изъ всего рода Мирошевыхъ одинъ только Петръ Голышъ; у Петра Голыша было три сына: Андрей Кочерга, Степанъ Шарапъ, да Петръ Бутузъ. Андрей и Степанъ умерли бездѣтными. У Петра Бутуза былъ сынъ Кузьма Петровичъ; у Кузьмы Петровича сынъ Петръ Кузьмичъ, а у Петра Кузьмича родился сынъ Кузьма Петровичъ, теперешній помѣщикъ сельца Хопровки.

Прадѣдушка Кузьмы Петровича, то-есть Петръ Голышъ, былъ сначала писанъ въ разрядныхъ книгахъ московскимъ жильцомъ и служилъ въ холопьемъ приказѣ; потомъ, при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, вошелъ какъ-то въ милость у царевны Софьи Алексѣевны, жалованъ отъ нея разными помѣстьями и переименованъ въ стольники. Онъ умеръ, оставивъ послѣ себя двѣ тысячи душъ крестьянъ и домъ какъ полную чашу. Сынъ его, Кузьма Бутузъ, попалъ было при царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ въ потѣшные, но за неуклюжесть и необычайную дородность былъ уволенъ отъ фрунтовой службы, отправился жить въ свои помѣстья, завелъ огромную псовую охоту и, чтобъ перещеголять знаменитаго князя Ромодановскаго, у котораго садилось на коня безъ малаго сто человѣкъ псарей и стремянныхъ, онъ выѣзжалъ въ поле съ тремя переменными стаями, и охотниковъ у него было сто двадцать человѣкъ, которые порскали, спали, пили, ѣли и скушали, наконецъ, вмѣстѣ съ борзыми и гончими собаками, почти все его имѣнье. Кузьма Петровичъ Бутузъ скончался на сороковомъ году отъ одышки, передавъ въ наслѣдство единственному своему сыну, Петру Кузьмичу, съ небольшимъ четыреста душъ дотла разоренныхъ крестьянъ. Мать Петра Кузьмича умерла вскорѣ послѣ своего мужа,

оставивъ пятилѣтняго сына совершеннымъ сиротою. Родной братъ покойницы взялъ его на свои руки. По счастью, этотъ дядя былъ человѣкъ честный и добрый: онъ далъ своему племяннику воспитаніе, по-тогдашнему, весьма хорошее. На тринадцатомъ году Петръ Кузьмичъ читалъ безъ запинки псалтырь, а святцы зналъ наизусть отъ доски до доски. Писалъ очень бойко и выводилъ такіе отличные крючки, что дядя, который служилъ самъ секретаремъ въ провинціальной канцеляріи, не могъ безъ радостныхъ слезъ смотрѣть на необычайный почеркъ своего питомца. Въ ариѳметикѣ онъ также былъ очень силенъ: всякій разъ, какъ дядя его справлялъ свои именины, или день рожденія, — а къ нему въ эти дни съѣзжалось человѣкъ до тридцати гостей, — Петръ Кузьмичъ долженъ былъ выдерживать публичный экзаменъ. Старикъ дядя, желая похвастаться при всѣхъ ученостью своего племянника, бралъ въ руки огромную книгу въ кожаномъ переплетѣ и начиналъ испытаніе слѣдующимъ образомъ:

— Послушай-ка, братецъ! Вопросъ: что есть ариѳметика?

— Ариѳметика или числительница, — отвѣчалъ обыкновенно нараспѣвъ и тоненькимъ голоскомъ Петръ Кузьмичъ, — есть художество честное, независтное, удобное, многополезнѣйшее, многохвальнѣйшее...

— Хорошо! Теперь скажи-ка мнѣ, коликогуба есть ариѳметика-практика?

— Есть сугуба: ариѳметика-политика и ариѳметика-логистика.

— Изрядно, изрядно! Ну, а что есть адиціо?

— Адиціо или сложеніе есть дву или многихъ числъ воедино собраніе, или воедино перечень совокупленіе.

— Такъ, Петруша, такъ! Изрядно!.. А что есть мультипликаціо?

— Мультипликаціо или умноженіе есть имъ же что въ числахъ умножаемъ, или коликимъ вещамъ, по мно-

жеству другихъ вещей, раздаемъ и количество ихъ числомъ показуемъ.

— Хорошо! Изрядно, песьма изрядно!.. Ай да, Петруша! Спасибо, братъ, спасибо!

Тутъ добрый дядя закрывалъ книгу, и со всѣхъ сторонъ начинались восклицанія:

— Ну, ребенокъ!.. Какіе годы и какое разумѣніе!.. Умудряетъ же Господь Богъ младенцевъ!..

— Да это что еще! — говаривалъ дядя, потирая съ радостью руки. — То ли еще мы съ Петромъ знаемъ! Вотъ, наприкладъ: если вы поѣдете отсюда до Москвы, такъ хотите ли, онъ скажетъ, сколько разъ во всю дорогу у вашей повозки колесо обернется?

Всѣ гости ахали отъ изумленія, многіе не вѣрили, иные даже обижались такою явною насмѣшкою хозяина; но никто не смѣлъ предословить почтенному старику. Одна только двоюродная его сестрица, супруга воеводскаго товарища, не скрывала иногда своего неудовольствія.

— Хи, хи, хи! Что вы это, батюшка-братецъ! — говаривала она, покачивая головою, — побойтесь Бога! Ну кто вамъ повѣритъ? Кто можетъ счесть, сколько разъ колесо и на десяти верстахъ повернется?.. А то, штука ли — семьсотъ!

— Эка важность! Да будь хоть семь тысячъ, — сочтемъ, матушка, говорю вамъ, сочтемъ!

— Полноте, Иванъ Ѳедоровичъ! Вѣдь это ужъ и грѣхъ. Да этакъ, пожалуй, про васъ скажутъ, прости, Господи...

— Да, матушка-сестрица, мы съ нимъ колдуны! Или не угодно ли вамъ знать, сколько отъ васъ до Москвы вершковъ будетъ?

— Перестаньте, братецъ, перестаньте! Что вы это, въ самомъ дѣлѣ? Да отсюда до Москвы вершкамъ-то и счету нѣтъ!